

Жангада, или 800 лье по Амазонке

На огромном плоту семейство Жоама Гарраля отплывало по Амазонке на свадьбу дочери. Но Гарраль не зря опасался этого путешествия. На бразильской границе он был арестован за преступление, которого не совершал, а доказательство его невиновности исчезло в реке... Теперь сын Гарраля и его друзья должны отыскать потерянное письмо и спасти жизнь и доброе имя отца. («Жангада, или 800 лье по Амазонке»)

В том также вошел роман «Плавающий город», повествующий о путешествии через Атлантику на борту «Грейт-Истерна» — крупнейшего парохода своего времени.

Мир приключений

Жюль Верн

Жангада, или 800 мье
по Амазонке

Жюль Верн

Жангада, или 800 лье по Амазонке

Романы

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2017

© Е. Шишмарева. Наследники, перевод, 2017

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2017

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2017

ISBN 978-617-12-2763-7 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

На величезному плоту родина Жоама Гарраля відпливала Амазонкою на весілля дочки. Але Гарраль не дарма побоювався цієї подорожі. На бразильському кордоні він був заарештований за злочин, якого не скоював, а доказ його невинності зник у річці... Тепер син Гарраля і його друзі мусять відшукати загублений лист і врятувати батькове життя та добре ім'я. («Жангада, або 800 льє Амазонкою»)

До тому також увійшов роман «Плавуче місто», що оповідає про подорож через Атлантику на борту «Грейт-Істерн» — найбільшого пароплава свого часу.

Верн Ж.

В35 Жангада, или 800 лье по Амазонке ; Плавающий город : романы / Жюль Верн ; пер. с фр. Е. Шишмаревой, М. Вовчок ; сост. серии О. Дыдыкина. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2017. — 320 с. — (Серия «Мир приключений», ISBN 978-617-12-2483-4 (Украина))

ISBN 978-617-12-2481-0 (Украина)

ISBN 978-5-9910-3829-4 (Россия)

На огромном плоту семейство Жоама Гарраля отплывало по Амазонке на свадьбу дочери. Но Гарраль не зря опасался этого путешествия. На бразильской границе он был арестован за преступление, которого не совершал, а доказательство его невинности исчезло в реке... Теперь сын Гарраля и его друзья должны отыскать потерянное письмо и спасти жизнь и доброе имя отца. («Жангада, или 800 лье по Амазонке»)

В том также вошел роман «Плавающий город», повествующий о путешествии через Атлантику на борту «Грейт-Истерна» — крупнейшего парохода своего времени.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)

Печатается по изданиям:

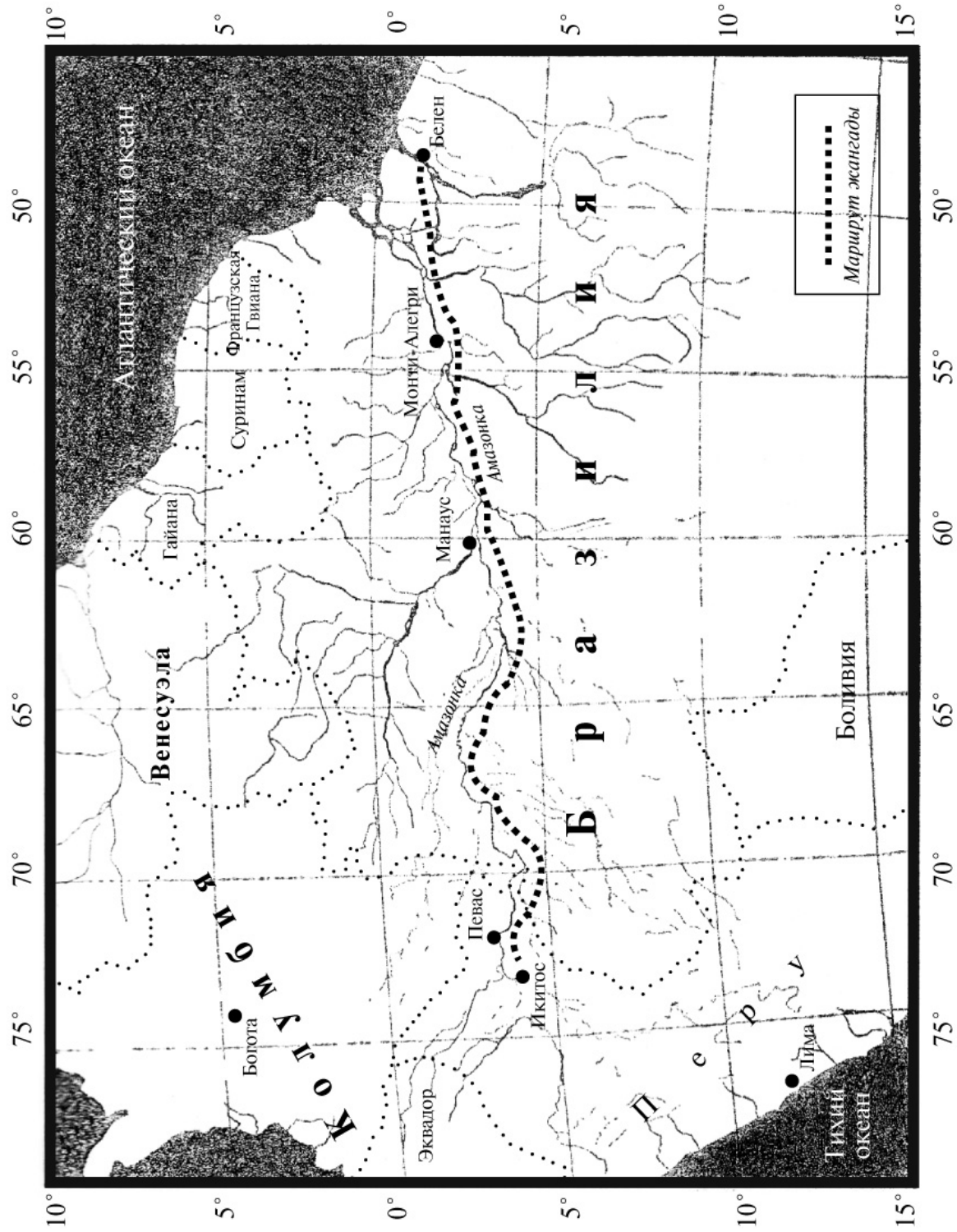
Верн Ж. Жангада / Жюль Верн. — М. : АСТ : Астрель: Полиграфиздат, 2011. — 320 с.

Верн Ж. Собрание сочинений : В 50 т. / Жюль Верн. Плавающий город. Два года каникул. Т. 19. — М. : ФРЭД, 1994. — 368 с.

Перевод с французского *Елизаветы Щишмаревой* («Жангада, или 800 лье по Амазонке») и *Марко Вовчок* («Плавающий город»)

В оформлении обложки использована иллюстрация *Уинслоу Хомера* «Breezing Up» (1876)

Карта путешествия Жоама Гарраля с семьей и друзьями

Жангада, или 800 лье по Амазонке

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

Лесной стражник

СГУЧПВЭЛЛЗИРТЕПНДНФГИНБОРГЙУГЛЧДКОТХЖ
ГУУМЗДХРЪСГСЮДТПЪАРВЙГГИЩВЧЭЕЦСТУЖВСЕВ
ХАХЯФБЪБЕТФЗСЭФТХЖЗБЗЪГФБЩИХХРИПЖТЗВТ
ЖЙТГОЙБНТФФЕОИХТТЕГИИОКЗПТФЛЕУГСФИПТЬ
МОФОКСХМГБТЖФЫГУЧОЮНФНШЭГЭЛЛШРУДЕНКО
ЛГГНСБКССЕУПНФЦЕЕЕГГСЖНОЕЫИОНРСИТКЦЬЕД
БУБТЕТЛОТЪФЦСБЮЙПМПЗТЖПТУФКДГ

На плотном, слегка пожелтевшем листе бумаги насчитывалось около сотни таких строк. Человек, державший его в руках, еще раз перечитал написанное и глубоко задумался.

В Бразилии середины XIX столетия еще действовали отряды лесных стражников — так называли агентов полиции, разыскивавших беглых негров. Эту должность установили в 1722 году, а в 1852 году, к началу действия нашей повести, негры уже имели право на выкуп, а их дети рождались свободными. Но рабство еще сохранялось, а следовательно, и нужда в стражниках. И раньше этим промыслом занимались по большей части разные отщепенцы и авантюристы из вольноотпущенников. Теперь же, когда вознаграждение за поимку чернокожего заметно снизилось, малопочтенная лесная полиция и вовсе формировалась из последних отбросов общества. В одном из таких отрядов состоял обладатель тайнописи.

Торрес — так его звали — не принадлежал ни к мулатам, ни к метисам, ни к бродягам без роду без племени, как большинство его

сотоварищей. Он был белым, родившимся в Бразилии, и даже получил кое-какое образование, чего, впрочем, не требовало его презренное ремесло.

Лет тридцати, среднего росту, крепкого сложения, с резкими чертами обожженного тропическим солнцем лица, с бородой — таков в общих чертах портрет Торреса. Глубоко сидящие под сросшимися бровями глаза бросали быстрые и холодные взгляды, выдававшие, казалось, врожденную злость.

Как и у всех его собратьев, одежда Торреса выглядела неказисто: широкополая кожаная шляпа, грубошерстные штаны, заправленные в высокие сапоги, на плечах порыжелое от непогоды пончо, скрывавшее плачевное состояние куртки и жилета.

Сейчас на нем не было ни ружья, ни пистолета, только за поясом «маншетта» да длинный охотничий нож, похожий на саблю. Еще у Торреса имелась «эншада» — нечто вроде мотыги, обычно употребляемой для ловли броненосцев и агути[1], которые во множестве водятся в лесистых верховьях Амазонки (где крупных хищников почти не встречается).

В тот день — 4 мая 1852 года — бородач был поглощен чтением необычного документа. Ничто не могло отвлечь Торреса от его занятия: ни громкие вопли обезьян-ревунов, которые Сент-Илер[2] удачно сравнивал с гулкими ударами топора дровосека по ветвям деревьев; ни сухое потрескивание колец гремучей змеи, редко, правда, нападающей на человека, но чрезвычайно ядовитой; ни пронзительный крик рогатой жабы, по своему уродству занимающей первое место в классе земноводных; ни даже громкое басовитое кваканье древесной лягушки, которая хоть и неспособна тягаться с волем величиной, зато может сравниться с ним силой голоса.

Торрес не слышал разноголосого гомона обитателей лесов Нового Света. Он сидел под могучим железным деревом с темной корой. Индейцы используют его для изготовления оружия и орудий труда. Занятый своими мыслями, лесной стражник сосредоточенно рассматривал зашифрованный документ, и лицо его кривилось в злобной усмешке.

Не удержавшись, Торрес пробормотал вполголоса несколько слов, которые здесь, в диком уголке девственного леса, все равно никто не мог бы подслушать, а услышав, не мог бы понять.

— Да, — сказал он, — всего какая-нибудь сотня четко выписанных строк, а между тем я знаю человека, для которого в них заключен вопрос жизни и смерти! А за жизнь платят дорого!

Он кинул на бумагу алчный взгляд.

— Если взять всего лишь по рейсу[3] за каждое слово одной только последней фразы, и то уже получится кругленькая сумма! Эта запись дорогого стоит — в ней подлинны имена участников.

Торрес замолчал и принялся считать в уме.

— Здесь пятьдесят четыре слова! — воскликнул он. — По рейсу за слово — составит пятьдесят четыре рейса. С такими деньгами можно жить припеваючи и ничего не делать — хоть в Бразилии, хоть в Америке. А если потребовать столько же за каждое слово документа! Тогда я считал бы рейсы сотнями! Тысяча чертей! У меня в руках целое состояние, и я буду последним дураком, если упущу его!

Казалось, руки Торреса уже ощупывают сказочное богатство, а пальцы погружаются в груды золотых монет.

Тут мысли его вдруг приняли иное направление.

— Наконец-то я близок к цели! — вскричал он. — И ничуть не жалею о трудностях долгого пути от берегов Атлантического океана до верховьев Амазонки! Ведь могло статься, что нужный мне человек уехал бы из Америки и поселился за тридевять земель отсюда. Как бы я тогда до него добрался? Но нет! Он здесь: стоит мне влезть на вершину высокого дерева, и я увижу крышу дома, где он живет со всей своей семьей!

Снова схватив листок в руки и возбужденно размахивая им, бразилец продолжал:

— Сегодня же вечером буду у него! Сегодня же он узнает, что его честь и жизнь заключены в этих строчках! А когда захочет получить шифр, чтобы их прочитать, — ну что ж, тогда пускай раскошеливается! Если потребую, отдаст за него все состояние, как отдал бы свою кровь. Тысяча чертей! Товарищ, доверивший мне сию бумажку и раскрывший ее тайну, не подозревал, что сделает меня богачом!

Торрес в последний раз взглянул на пожелтевший листок и, бережно сложив, спрятал в медную коробку, служившую ему кошельком.

Все его состояние уместилось в коробочке величиной с портсигар. Он хранил в ней монеты всех граничащих с Бразилией стран: два двойных кондора из Соединенных Штатов Колумбии, каждый стоимостью примерно по сто франков; венесуэльские боливары франков на сто; перуанские соли на такую же сумму; несколько чилийских эскудо, самое большее на пятьдесят франков, и еще кое-какую мелочь. Все вместе они составляли не более пятисот франков.

Несколько месяцев назад Торрес неожиданно оставил должность лесного стражника, поднялся вверх по бассейну Амазонки и, перейдя границу Бразилии, вышел на территорию Перу.

Путешественнику не требовалось много денег на путевые расходы. Он ничего не платил ни за жилье, ни за одежду; пищей его снабжал лес. Ему хватало нескольких рейсов на табак, который он покупал в миссиях[4] или в деревушках, попадавшихся по дороге, и на то, чтобы наполнить горячительным дорожную фляжку. Таким образом он покрыл большое расстояние, почти ничего не тратя.

Торрес положил коробку в небольшое углубление под корнем. Обычно он держал ее в кармане куртки, но сейчас решил спрятать понадежнее.

Стоял палящий зной. Тяжелый воздух будто застыл в полной неподвижности. Если бы на церковной колокольне в ближайшей деревне имелись часы, они пробили бы два пополудни, и даже слабый ветерок донес бы их бой до Торреса, который находился всего в двух милях от нее. Но бродяге незачем рассчитывать свои действия с особой точностью. Он завтракает и обедает, когда захочется или когда получится, а засыпает, как только его сморит сон. Если для него не всегда накрыт стол, то постель под тенистым деревом готова в любое время.

Бразилец все утро шагал по лесу, а теперь немного перекусил и был не прочь передохнуть, с тем чтобы часика через два с новыми силами пуститься в дорогу.

Однако Торрес никогда не укладывался сразу, без приготовлений: пропускал глоток-другой чего-нибудь покрепче, а потом выкуривал трубочку. Водка возбуждает мозг, а табачный дым навеивает туманные грезы. Во всяком случае, так считал Торрес.

Бродяга поднес к губам флягу из выдолбленной тыквы с напитком, известным в Перу под названием «чика», а в верховьях Амазонки чаще

именуемый «кайсума». Его готовят из сока сладкой маниоки[5], которому дают перебродить. Наш лесной стражник, человек с луженой глоткой, считал необходимым добавлять к чике еще и изрядную дозу тафии[6].

Сделав несколько глотков, он встряхнул флягу и с огорчением убедился, что та почти пуста. Затем, достав короткую трубку, сделанную из древесного корня, набил ее крепким бразильским табаком старинного сорта «петен».

Табак Торреса не имел ничего общего с современным первосортным «скаферлати», но будучи непривередлив в вопросе курева, как и во многих других, достал огниво, высек огня, разжег немного липкого вещества, известного под названием «муравьиного трута», и раскурил трубку.

После десятой затяжки глаза его закрылись, трубка выскользнула из рук, и он уснул или, вернее, впал в забытие, которое нельзя назвать настоящим сном.

Глава II

Вор и обворованный

Торрес проспал около получаса, когда под деревьями послышалось легкое шуршание. Казалось, кто-то шел босиком, стараясь ступать осторожно, чтоб его не услышали. Если бы бродяга не спал, он бы сразу насторожился, так как старался избегать нежелательных встреч. Еле слышный шорох затих возле дерева, под которым лежал Торрес.

В лесах Верхней Амазонки водится множество цепкохвостых обезьян: легкие и изящные сахиусы, рогатые сапажу, моноссы с серой шерстью, сагуины, с такими уморительными рожами, что порой кажется, будто они в масках. Но из всех обезьян самые своеобразные, бесспорно, гуарибы. У них общительный и совсем не злобный нрав, не то что у свирепых мукур; к тому же в них силен общественный инстинкт. Стая гуарибов дает о себе знать еще издали монотонным гулом голосов — ни дать ни взять церковный хор, поющий псалмы.

Гуариба, называемая в Бразилии также «барбадо», довольно крупное животное. Несмотря на незлобивость ее характера, встреча с такой обезьяной все-таки небезопасна. Ее гибкое и сильное тело свидетельствует о том, что она может сражаться на земле не хуже, чем прыгать по ветвям лесных исполинов.

Гуариба — а это была она — приближалась к спящему мелкими шажками, озираясь по сторонам и беспокойно помахивая хвостом. В могучих руках она держала толстый сук. Должно быть, заметив лежащего под деревом человека, обезьяне захотелось рассмотреть его поближе. Она подошла и с некоторой опаской остановилась в трех шагах.

Бородатое лицо обезьяны исказилось гримасой, обнажились острые, белые, как слоновою костью, зубы, угрожающе поднялся сук. Вид спящего человека явно не вызывал у гуарибы симпатии. Были ли у нее особые причины питать враждебные чувства к представителям

рода человеческого? Весьма возможно. Известно, что животные долго не забывают причиненных им обид, и, быть может, эта обезьяна затаила злобу против братьев старших.

Для местных жителей, особенно для индейцев, обезьяны любой породы — лакомая добыча. Охотники преследуют их с особым рвением, и не только из любви к охоте, но и ради мяса.

Как бы то ни было, если гуариба и не думала сожрать лесного стражника, помня, что природа создала ее животным травоядным, то все же она, видимо, твердо решила посчитаться с одним из своих исконных врагов.

Некоторое время обезьяна пристально разглядывала человека, а потом тихонько двинулась вокруг дерева. Медленно и осторожно приближалась она к спящему. Ее свирепая морда не сулила ничего хорошего. Гуариба остановилась у самого ствола и занесла сук над головой спящего...

Луч солнца, проникнув сквозь ветви, скользнул по металлической коробке, лежавшей под выступавшими корнями, ее гладко отшлифованная поверхность блеснула, как зеркало. Обезьяна тотчас отвлеклась. Нагнулась, схватила коробку, попятилась и, поднеся ее к глазам, принялась вертеть в руках, с удивлением разглядывая блестящий предмет. Быть может, еще больше ее удивил звон монет. Как видно, ее пленила эта музыка. Точь-в-точь погремушка в руках у ребенка! Потом она сунула находку в рот, и зубы ее заскрежетали по металлу.

Должно быть, гуариба подумала, что нашла какой-то неведомый плод, вроде громадного миндаля, у которого ядро болтается в скорлупе. Вскоре она поняла свою ошибку, вытащила коробку изо рта и крепко зажала в левой руке, выпустив сук. Падая, дубина обломила сухую ветку.

Торрес в ту же секунду вскочил на ноги.

— Гуариба! — вскричал он.

Схватив лежавшую возле него манжетту, бразилец принял оборонительное положение. Испуганная обезьяна тотчас попятилась, сделала два-три быстрых прыжка и скользнула в чашу.

— Вот что называется проснуться вовремя! — воскликнул Торрес.
— Эта образина прикончила бы меня в два счета!

Обезьяна, остановившись шагах в двадцати, будто насмехаясь, отчаянно гримасничала. И тут Торрес увидел у нее в руках свою драгоценную коробку.

— Мерзавка! Убить не убила, а выкинула штуку почище — обокрала! — закричал он. И бросился вслед за проказницей.

Торрес прекрасно понимал, что догнать проворного зверя будет непросто: и поверху и понизу обезьяна бегала быстрее, чем он. Только меткая пуля могла настигнуть ее на земле или на ветке дерева, но где ее взять?

Торрес понял, что взять обезьяну можно только обманом. Надо перехитрить умное животное: скрывшись в густой чаще, разжечь его любопытство и заставить вернуться назад — ничего другого не придумаешь.

Торрес проделал все маневры, но безрезультатно: когда человек прятался, хитрый зверь, никуда не двигаясь, терпеливо дожидался его появления. Бродяга выбился из сил, но так ничего и не добился.

— Подлая воровка! — воскликнул Торрес. — Этак, чего доброго, заведет меня обратно к бразильской границе. Если б только заставить ее бросить коробку! Ей, видишь ли, нравится звон золотых монет! У, мерзавка!

И стражник вновь пустился в погоню.

Целый час он гонялся за гуарибой. В конце концов им овладело бешенство, ругаясь последними словами, он извергал на голову воровки потоки угроз и проклятий. Обезьяна отвечала уморительными гримасами. Торрес снова бросался за ней, задыхаясь, путаясь в высокой траве, продираясь сквозь густой кустарник, цепляясь за переплетающиеся лианы, сквозь которые зверь проскакивал со скоростью призового скакуна. Человек же спотыкался о толстые корни в высокой траве, падал, поднимался и снова бежал из последних сил.

Наконец он остановился в полном изнеможении.

— Вот дьявол! Охотиться в зарослях за беглыми неграми и то легче! А все-таки я поймаю эту образину! Я ей покажу!..

Заметив, что лесной стражник прекратил погоню, гуариба остановилась: она тоже устала, хотя и не в такой степени, как Торрес, едва переводивший дух.

Так они простояли минут десять. Обезьяна жевала какие-то корешки, время от времени позванивала над своим ухом монетами в

заветной коробке.

Вдруг разъяренный Торрес стал швырять в обидчицу камнями...

Однако надо было что-то делать. С одной стороны, бессмысленно гоняться за гуарибой без всякой надежды ее поймать. С другой — окончательно примириться с нелепой случайностью, погубившей блестящий замысел, признать себя обманутым и одураченным глупой обезьяной — это уже слишком!

Торрес понимал, что с наступлением темноты похитительница без труда скроется от него, а он, измученный и обворованный, пожалуй, не сможет даже найти дорогу в лесной чаще. Погоня увела его на несколько миль в сторону от берега реки, и теперь ему будет непросто вернуться назад.

Торрес заколебался. Он уже готов был отказаться от коробки, но при мысли о похищенном документе душа его загорелась, и он решился на последнюю попытку.

Лесной стражник сделал несколько шагов вперед. Гуариба — столько же шагов назад и остановилась у громадного фикуса, которых так много в бассейне Верхней Амазонки. Обхватить ствол четырьмя руками, вскарабкаться вверх с ловкостью акробата, зацепиться хвостом за горизонтальные ветви в сорока футах над землей и взметнуться на самую вершину дерева — все это для обезьяны суцая забава и дело нескольких секунд.

Усевшись поудобнее на тонких, сгибавшихся под ее тяжестью ветвях, она продолжала прерванную трапезу, срывая плоды, висевшие у нее под рукой. По правде говоря, Торресу тоже не мешало подкрепиться и промочить горло, но — увы! — сумка его была пуста, а флягу он давно осушил до дна.

В бессильной ярости бродяга разразился отборной бранью. Но воровка была всего лишь четвероруким животным, и ее нисколько не трогало то, что возмутило бы существо человеческой породы.

Тогда Торрес принялся швырять в нее камни, обломки корней — все, что попадалось под руку. Неужто он всерьез надеялся ранить обезьяну? Конечно же, нет — он просто не соображал, что делает: от бессильной злобы у него помутилось в голове. Быть может, Торрес думал, что гуариба, перепрыгивая с ветки на ветку, нечаянно выронит коробку или что, не желая оставаться в долгу у противника, возьмет да

и запустит коробкой ему в голову. Но плутовка крепко сжимала свою добычу в руке, а еще три руки оставались у нее свободными.

Отчаявшись, Торрес бросил бесплодные попытки.

Вдруг шагах в двадцати послышались звуки человеческой речи. Торрес насторожился и только хотел юркнуть в густые заросли, как раздался громкий выстрел.

Издав вопль, смертельно раненная обезьяна рухнула на землю, не выпуская коробки.

— Черт побери! — вскричал Торрес. — Эта пуля пришлась весьма кстати!

Он выскочил из чащи, не опасаясь, что его заметят, и увидел под деревьями двух молодых людей.

Они оказались бразильцами и были одеты в охотничьи костюмы: кожаные сапоги, широкополые шляпы из пальмового волокна, легкие куртки, стянутые у пояса, более удобные, чем традиционные пончо. По их внешности было нетрудно определить, что родом они из Португалии[7].

Оба держали в руках длинные ружья, какие изготавливаются в Испании и немного напоминают арабские, с верным и довольно дальним боем; обитатели лесов Верхней Амазонки хорошо владеют такими ружьями. За поясом у молодых людей виднелись кинжалы, называемые в Бразилии «фока», с которыми охотники бесстрашно нападают на ягуаров и других хищников, довольно многочисленных в здешних местах.

Торрес бросился к трупку обезьяны.

— Благодарю вас, господа! — весело сказал лесной стражник, приподнимая шляпу. — Убив подлого зверя, вы оказали мне неоценимую услугу!

Охотники с недоумением переглянулись, не понимая, за что он их благодарит.

— Вы думали, — это просто обезьяна, господа, — заявил Торрес, — а на самом деле убили хитрого вора.

— Выходит, мы вам помогли, сами того не зная, — ответил младший из охотников, — рад, что выручили вас.

Он наклонился над обезьяной и, не без труда разжав ей пальцы, вынул коробку из сведенной судорогой руки.

— Должно быть, это и есть тот предмет, о котором вы говорили? — спросил он.

— Он самый! — ответил Торрес, жадно схватив коробку; из груди его вырвался вздох облегчения.

— Кого же мне благодарить, господа, за столь меткий выстрел? — спросил он.

— Мой друг Манозель, военный врач на службе бразильской армии, — представил своего спутника тот, что был помоложе.

— Стрелял действительно я, — возразил на это Манозель, — но показал мне обезьяну ты, Бенито.

— В таком случае, господа, я обязан вам обоим: как господину Манозелю, так и господину...

— Бенито Гарралю, — закончил Манозель.

Лесной стражник сделал большое усилие, чтобы не вздрогнуть, а молодой человек любезно добавил:

— Ферма моего отца Жоама Гарраля всего в трех милях отсюда, и если господин...

— ...Торрес, — подсказал искатель приключений.

— Если господин Торрес пожелает нас навестить, он встретит радушный прием.

— Не знаю, право... — пробормотал Торрес. Смущенный неожиданной встречей, он колебался, не зная, как поступить. — Боюсь, что не смогу воспользоваться вашим приглашением... Из-за происшествия, о котором я вам только что рассказал, потеряно много времени, а до наступления темноты мне необходимо вернуться к берегам Амазонки: думаю спуститься до провинции Пара.

— Возможно, мы с вами и встретимся на этом пути, господин Торрес, — сказал Бенито. — Через месяц мой отец отправится вниз по течению реки со всей семьей.

— Вот как! — живо откликнулся Торрес. — Ваш отец думает пересечь бразильскую границу?

— Да, он намерен пропутешествовать несколько месяцев, — ответил Бенито. — Во всяком случае, мы надеемся его уговорить. Верно, Манозель?

Манозель молча кивнул.

— Ну что ж, господа, — заключил Торрес, — весьма возможно, мы и впрямь встретимся по дороге. Но сейчас я, к сожалению, не могу

принять ваше приглашение. Тем не менее благодарен за него и считаю себя вдвойне вашим должником.

Торрес поклонился молодым людям, те ответили на его поклон и, повернувшись, пошли в сторону фермы.

Глядя им вслед, бродяга пробормотал:

— Так, значит, он собирается перейти границу!.. Ну что ж, пусть переходит: там мне легче будет держать его в руках! Счастливого пути, Жоам Гарраль!

С этими словами лесной стражник направился к югу, чтобы выйти на левый берег Амазонки кратчайшим путем. Вскоре он исчез в чаще леса.

Глава III

Семейство Гарраль

Деревня Икитос расположена на левом берегу Амазонки, в 55 лье[8] к западу от бразильской границы, приблизительно на семьдесят четвертом меридиане. В этой части великая река носит название Мараньон, ее русло служит природной границей между Перу и республикой Эквадор.

Икитос основали миссионеры, как и все небольшие поселения, встречающиеся в бассейне Амазонки. До 1817 года индейцы племени икитос, бывшие когда-то единственными обитателями этого края, селились в глубине страны, довольно далеко от реки. Но однажды, после извержения вулкана, источники на их земле иссякли, и жители были вынуждены переселиться на берег Амазонки. Вскоре их племя слилось с индейцами прибрежной полосы — гикунна или омага. Поэтому население стало смешанным, включая также несколько испанцев и две-три семьи метисов.

Деревня невелика: всего четыре десятка крытых соломой хижин, таких убогих, что только по крышам и можно догадаться, что это человеческое жилье. Селение живописно раскинулось на небольшом плато, возвышающемся футов на шестьдесят над рекой. Наверх ведет лестница из цельных бревен, укрепленных на крутом склоне. Пока не взберетесь по ее ступеням, деревню не увидите. Наверху вы оказываетесь перед легко преодолимой живой изгородью из древовидных кустов, переплетенных гибкими лианами, за которой высятся немногочисленные банановые деревья и стройные пальмы.

В ту пору индейцы племени икитос ходили почти совсем голые. Только испанцы и метисы носили простые рубашки, легкие хлопчатобумажные брюки и соломенные шляпы. Все жили одинаково бедно, почти не общаясь между собой, и собирались вместе лишь тогда, когда колокол миссии сзывал их в обветшалый домик, служивший церковью.

Жизнь в деревушке Икитос[9], как, впрочем, и в большинстве селений Верхней Амазонки, была почти первобытной, но стоило пройти менее одного лье вниз по реке, как на том же берегу открывался вид на богатую усадьбу.

То была ферма Жоама Гарраля, к которой и направлялись двое молодых людей, повстречавших лесного стражника.

Эту ферму, по-местному «фазенду», построили много лет назад в широкой излучине Амазонки, у места впадения в нее притока Риу-Наней. К северу земли фазенды тянулись почти на целую милю вдоль правого берега Риу-Наней, а к востоку — на такое же расстояние вдоль левого берега Амазонки. На западе маленькие речушки, впадающие в Наней, и несколько небольших озер отделяли ее территорию от саванны и лугов, служивших пастбищем для скота.

В 1826 году, за двадцать шесть лет до начала описанных нами событий, Жоам Гарраль впервые вошел в дом усадьбы.

Ее хозяин, португалец по имени Магальянс, зарабатывал на жизнь рубкой леса. Фазенда занимала тогда не более полумили прибрежной земли.

Гостеприимный, как все португальцы старой закваски, Магальянс жил здесь с дочерью Якитой, которая после смерти матери вела дом. Магальянс был настоящим тружеником, упорным и неутомимым, но, когда приходилось иметь дело с торговцами, тут он пасовал. Поэтому фазенда год от году беднела.

Магальянс нашел Гарраля в лесу еле живого от голода и усталости. В груди португальца билось доброе сердце. Он не спрашивал молодого человека, откуда тот пришел, а только спросил, чем можно ему помочь.

Бразилец родом, Жоам Гарраль не имел ни семьи, ни состояния. Несчастья, говорил он, вынудили его покинуть родину без надежды вернуться обратно. Гарраль попросил у хозяина разрешения не рассказывать о постигших его бедах — столь же тяжких, сколь и незаслуженных. Он пришел сюда наудачу, думая устроиться на какой-нибудь фазенде в глубине страны и начать новую жизнь. Молодой человек был умен и образован, весь его облик внушал доверие. Магальянс предложил Жоаму остаться на ферме и помочь ему поднять хозяйство.

У юноши были свои планы. Он хотел устроиться в «серингаль»[10] — на добычу каучука, где умелый рабочий зарабатывал пять-шесть

пиастров в день и, если повезет, мог со временем стать фермером. Но Магальянс предупредил, что хотя плата там и высока, но работа — сезонная, то есть всего на несколько месяцев, а это не дает человеку прочного положения.

Португалец был прав. Жоам принял его предложение. Магальянсу не пришлось раскаиваться: дела на ферме пошли в гору. Торговля лесом, который он сплавлял по Амазонке в провинцию Пара, при посредстве Жоама Гарраля значительно расширилась. Фазенда постепенно росла и вскоре протянулась по берегу реки до самого устья Наней. Старое жилище перестроили, и оно превратилось в прелестный двухэтажный дом, окруженный галереей, затененный высокими раскидистыми деревьями: смоковницами, мимозами, паулиниями, стволы которых были покрыты сеткой ползучих страстоцветов, увиты бромелиями с пунцовыми цветами, причудливыми лианами.

Поодаль от дома, за гигантским кустарником, прятались жилища слуг — хижины негров, шалаши индейцев, — а также разные хозяйственные постройки. Но с берега реки, заросшего тростником и водяными растениями, виден был только красивый хозяйский дом.

Широкая прибрежная луговина, старательно очищенная от кустарника, представляла собой прекрасное пастбище. Животноводство служило еще одним источником дохода, ибо в этой благословенной стране стадо за четыре года удваивается. Продажа шкур забитого скота приносит десять процентов прибыли, а мясо идет в пищу хозяевам и слугам. Кое-где на месте лесных вырубок были возделаны плантации маниоки и кофе. Посадки сахарного тростника вскоре потребовали постройки мельницы для перемалывания выжатых стеблей, из которых потом изготовляли патоку, тафию и ром. Короче говоря, через десять лет после появления Жоама Гарраля ферма Икитос стала одной из самых богатых на Верхней Амазонке. Благодаря правильному хозяйствованию и умению молодого управляющего вести торговые дела благосостояние фазенды росло с каждым днем.

Магальянс хорошо понимал, чем он обязан Жоаму Гарралю. Желая наградить его по заслугам, португалец сначала выделил ему долю доходов со своей фермы, а через четыре года сделал своим компаньоном, пользующимся равными правами и равной долей дохода.

Однако этим дело не ограничилось. Якита, дочь Магальянса, как и он сам, открыла в молчаливом юноше, таком мягком с другими и строгом к себе самому, редкое сердце и недюжинный ум. Она его полюбила. Но хотя Жоам не остался равнодушным к достоинствам прелестной девушки, то ли из самолюбия, то ли из скромности он, похоже, не думал просить ее руки. Несчастный случай ускорил его решение.

Однажды с Магальянсом случилось несчастье: на него упало срубленное дерево. Его перенесли, почти недвижимого, на ферму. Чувствуя, что конец уже близок, он подозвал плачущую Якиту и, соединив руки дочери и Жоама Гарралья, заставил того поклясться, что он возьмет ее в жены.

— Ты вернул мне состояние, — проговорил Магальянс, — и я не умру спокойно, если не упрочу этим союзом будущее моей дочери.

— Я могу оставаться ее преданным слугой, ее братом и защитником, не будучи ее мужем, — возразил Жоам Гарраль. — Я вам обязан всем и никогда этого не забуду; а награда, которой вы одариваете меня, превышает мои заслуги.

Отец настаивал. Близкая смерть не позволяла ему ждать, он требовал обещания, и Жоам Гарраль дал слово.

Яките было тогда двадцать два года, а Жоаму — двадцать шесть. Они любили друг друга и обвенчались за несколько часов до смерти Магальянса, у которого достало сил благословить их союз.

Спустя год после свадьбы Якита подарила мужу сына, а еще через два года — дочь. Бенито и Минья обещали стать достойными внуками старого португальца и достойными детьми своих родителей.

Шли годы. Девочка росла на лоне великолепной тропической природы, получая воспитание и практические знания в доме отца и матери. Чему могли научить ее в монастырской школе Манауса или Белена? Где нашла бы она лучшие примеры семейных добродетелей? Разве вдали от родного дома ее сердце и ум стали бы тоньше и отзывчивее? Если она не станет, как мать, хозяйкой фазенды, все равно сумеет занять достойное положение в любом месте.

Другое дело Бенито! Отец считал нужным дать сыну серьезное образование, какое можно было получить только в больших бразильских городах. К этому времени богатый владелец фазенды

имел возможность ни в чем не отказывать своему единственному наследнику.

Мальчика, наделенного от природы пытливым, живым умом и чуткой душой, в двенадцать лет отправили в Белен. Там, под руководством педагогов, юноша учился так усердно, как будто состояние его отца не позволяло ему ни минуты проводить в праздности. Бенито не принадлежал к вертопрахам, считающим, что богатство избавляет от необходимости трудиться; напротив, честный, прямой и энергичный юноша твердо знал: тот, кто уклоняется от выполнения своих обязанностей, недостоин называться человеком.

В первые же годы в Белене Бенито познакомился с Манозлем Вальдесом, сыном негоцианта из провинции Пара. Сходство характеров и вкусов сблизило их, и вскоре они стали неразлучны. Манозль был на год старше Бенито. Они с матерью жили на доходы со скромного наследства, доставшегося ей после смерти мужа. После окончания колледжа юноша поступил в медицинский институт. Его всегда влекла военная служба, и он избрал благородную профессию военного врача.

К этому времени, когда мы встретили двух друзей, Манозль уже закончил обучение и приехал погостить несколько месяцев на фазенде, где обычно проводил каникулы. Молодой человек, с приятными манерами, благородной внешностью и врожденным чувством собственного достоинства, сделался вторым сыном для Жоама и Якиты. Но если он и считал себя братом Бенито, то по отношению к Минье это звание казалось ему недостаточным, ибо вскоре он почувствовал к ней гораздо более нежную привязанность, чем братская любовь.

В 1852 году Жоаму Гарралю исполнилось сорок восемь лет. Благодаря своей воздержанности, умеренным вкусам и скромной трудовой жизни он сохранил силы, хотя многие люди здесь преждевременно старились. Коротко остриженные волосы и длинная борода уже серебрились, придавая ему строгий вид пуританина.

Весь его облик говорил о неподкупной честности, которой славились бразильские купцы и землевладельцы. В этом внешне спокойном и уравновешенном человеке угадывался внутренний огонь, сдерживаемый твердой волей.

А между тем в этом с виду здоровом и преуспевающим человеке замечалась затаенная грусть, победить которую не могла даже нежная привязанность Якиты.

«Почему муж умеет радоваться лишь чужому счастью, но не своему? Какое тайное горе гложет его?» — спрашивала она себя и не находила ответа.

Яките минуло сорок четыре года. В тропической стране, где женщины становятся старухами уже в тридцать лет, она тоже сумела устоять против разрушительного влияния климата. Черты ее красивого лица слегка отяжелели, но сохранили благородство линий классического португальского типа, в котором гордость естественно сочетается с душевной прямоотой и открытостью характера.

Бенито и Минья на нежную любовь родителей отвечали столь же горячей привязанностью.

Бенито, веселый, смелый, горячий юноша — ему шел двадцать второй год, — с душой нараспашку и живым непоседливым характером, отличался от своего друга Манозля, более сдержанного и серьезного. После целого года, проведенного в Белене, вдали от родных мест, для Бенито было великой радостью вернуться в отчий дом, вновь увидеть отца, мать и сестру, вновь оказаться на лоне величественной природы Верхней Амазонки — ведь он завзятый охотник!

Минье только что сравнялось двадцать. У этой прелестной девушки с темными волосами и большими синими глазами, казалось, вся душа отражается во взоре. Среднего роста, стройная, грациозная, она лицом вышла в мать, а характером — чуть посерьезнее брата. Ласковую и приветливую, ее любили все обитатели фазенды. Что до Манозля Вальдеса — его не стоило и спрашивать о достоинствах девушки: он был слишком заинтересованной стороной, чтобы дать беспристрастный ответ.

Описание семьи Гарраль будет неполным без рассказа об их многочисленных домочадцах.

Шестидесятилетняя негритянка Сибела, отпущенная хозяином на волю, продолжала жить в его доме из привязанности к его семье. В молодости она еще нянчила Якиту. На правах старого члена семьи она говорила «ты» и матери и дочери. Вся жизнь доброй женщины прошла среди этих лесов и полей, на берегу реки, которая служила границей

фермы. Она попала в Икитос ребенком (в ту пору еще существовала торговля неграми) и никогда не покидала этого селения: здесь вышла замуж, здесь овдовела и, потеряв единственного сына, осталась служить у Магальянса. Сибела знала только ту часть Амазонки, которая всегда была у нее перед глазами.

Назовем также и хорошенькую веселую мулатку, считавшуюся служанкой Миньи, ее ровесницу, горячо преданную своей юной хозяйке. Звали ее Лина. Этому милому, немного избалованному созданию прощали некоторую вольность обращения, сама же Лина обожала свою госпожу. Своевольная, ласковая и насмешливая, она делала в доме все что хотела.

Работники фазенды делились на две части: индейцы — около сотни человек — работали на ферме за плату, и негры — их было вдвое больше — оставались еще рабами, но дети их рождались уже свободными. В этом отношении Жоам Гарраль опередил бразильское правительство.

Надо сказать, что в бассейне Амазонки с неграми, привезенными из Бенгелы, из Конго и с Золотого Берега, обычно обращались довольно мягко, и, уж во всяком случае, на икитосской фазенде никто не проявлял жестокости в отношении невольников, что зачастую имело место на плантациях в других странах.

Глава IV

Сомнения

Маноэль любил сестру своего друга Бенито, и она отвечала ему взаимностью. Когда у молодого врача не осталось сомнений в своих чувствах, он решил открыться Бенито.

— Дружище Маноэль! — тотчас откликнулся восторженный юноша. — Я безумно рад, что ты хочешь войти в нашу семью! Только позволь действовать мне: для начала я переговорю с матушкой. Мне кажется, я могу обещать тебе ее согласие.

Не прошло и полчаса, как все было улажено. Бенито не сообщил своей матери ничего нового: добрая Якита давно догадалась о чувстве, зародившемся в сердцах молодых людей.

Десять минут спустя Бенито уже говорил с сестрой. Надо признать, что и здесь ему не пришлось прибегать к красноречию. Едва он произнес первые слова, как головка милой девушки склонилась на плечо брата, и прямодушная Минья воскликнула от чистого сердца:

— Как я рада!

Признание едва не опередило вопрос — ничего другого Бенито и не ожидал.

В согласии Жоама Гарраля тоже никто не сомневался. Но Якита и дети не сразу посвятили его в свои планы, потому что в беседе о предстоящей свадьбе собирались затронуть один важный вопрос, разрешить который, возможно, будет не так-то просто: предстояло решить, где устраивать венчание.

В самом деле, где лучше отпраздновать свадьбу? В жалкой деревенской хижине, служившей здесь церковью? А почему бы и нет? Ведь Жоам и Якита, вступая в брак, получили тут благословение отца Пассаньи, бывшего тогда священником в Икитосе. В ту пору, как и в наши дни, гражданский брак в Бразилии не отделялся от церковного, и одной записи в церковной книге миссии было достаточно, чтобы

скрепить союз, не засвидетельствованный государственным чиновником.

Жоам Гарраль, видимо, захочет, чтобы молодые венчались в Икитосе — с большой торжественностью, в присутствии всех обитателей фазенды; но если так, то ему придется выдержать серьезную борьбу со своими домашними.

— Манозель, — сказала девушка своему жениху, — будь моя воля, я предпочла бы венчаться не здесь, а в Пара. Госпожа Вальдес нездорова и не может приехать в Икитос, а мне не хотелось бы венчаться без нее. Мы с мамой постараемся уговорить отца, чтобы он отвез нас в Белен, к той, чей дом скоро должен стать и моим домом. Вы согласны?

Вместо ответа Манозель лишь нежно пожал ей руку. Он тоже горячо желал, чтобы мать присутствовала на его венчании. Бенито полностью поддержал их план. Оставалось уговорить Жоама Гарраля.

В тот день молодые люди отправились на охоту; после обеда супруги остались одни в просторной гостиной своего дома. Жоам Гарраль только что вернулся с поля и прилег на диван из плетеного бамбука, когда супруга села возле него.

Якита не сомневалась, что Жоам Гарраль с радостью раскроет объятия новому сыну, достоинства которого он давно узнал и оценил. Но Якита понимала, что убедить мужа покинуть фазенду будет нелегко.

В самом деле, с тех пор как Жоам Гарраль еще юношей пришел в эти края, он никогда ни на один день не выезжал за пределы усадьбы. Хотя Амазонка, медленно катившая свои воды на восток, манила вдаль, хотя Жоам каждый год сплавлял множество плотов в Манаус, Белен и на побережье провинции Пара, Гарралю, по-видимому, никогда не приходило в голову покинуть Икитос.

Все, что производилось на ферме, добывалось в лесах и лугах, владелец фазенды продавал, никуда не уезжая. Можно было подумать, что он не хочет выходить ни мыслью, ни взглядом за пределы созданного им земного рая, где была сосредоточена вся его жизнь.

Поскольку в течение почти двадцати пяти лет Жоам Гарраль ни разу не переходил бразильской границы, то вполне понятно, что его жена и дочь тоже никогда не ступали на бразильскую землю. А между тем обе давно мечтали поглядеть на страну, о которой им так много рассказывал Бенито. Раза два или три Якита пробовала говорить об

этом с мужем, но стоило ей заикнуться о том, чтобы покинуть фазенду хотя бы на несколько недель, печальное лицо его еще больше мрачнело, глаза затуманивались, и он говорил ей с мягким укором:

— Зачем нам уезжать из дому? Неужто нам плохо здесь?

И Якита не решалась настаивать — ведь заботливость и неизменная нежность мужа делали ее такой счастливой!

Однако сейчас у нее появился очень веский довод. Разве свадьба дочери не является естественным поводом отвезти девушку в Белен, где ей предстоит жить с мужем? Разве не должна она узнать и полюбить мать Маноэля Вальдеса? Что может Жоам Гарраль возразить против столь законного желания? Ему должно быть понятно стремление Якиты познакомиться с той, которая станет второй матерью ее девочки?

Якита взяла мужа за руку и сказала ласковым голосом, который был лучшей музыкой в жизни любящего супруга:

— Жоам, я хочу поговорить с тобой об одном плане, который составили мы с детьми; я уверена, что его исполнение обрадует тебя не меньше, чем нас.

— О каком плане речь, Якита? — спросил Жоам.

— Маноэль и Минья любят друг друга, они должны обрести свое счастье...

При первых же ее словах Жоам Гарраль порывисто вскочил на ноги. Затем он потупился, будто хотел избежать взгляда жены.

— Что с тобой, Жоам?

— Минья... собирается замуж? — с усилием произнес он.

— Друг мой, — заговорила Якита, и сердце ее сжалось, — разве ты имеешь что-нибудь против их брака? Разве ты сам не замечал, какие чувства питает Маноэль к нашей дочери?

— Да! Скоро год...

Жоам снова сел, не договорив. Усилием воли он взял себя в руки. Непонятное волнение, вызванное словами жены, прошло. Мало-помалу он успокоился и долго молчал, задумчиво глядя на жену. Якита снова взяла его за руку.

— Милый Жоам, — молвила она, — неужели я ошиблась? Разве ты сам не думал, что рано или поздно этот брак свершится и принесет счастье нашей девочке?

— Да... — проговорил Жоам. — Ты права... А эта свадьба... их свадьба, которую все мы предвидели... когда она будет? Скоро?

— Мы сами назначим ее, когда ты захочешь, Жоам.

— И отпразднуем ее здесь... в Икитосе?

Вопрос мужа позволил Яките высказать свое давнишнее желание, впрочем, не без некоторой, вполне понятной робости.

— Послушай, Жоам, — начала она, помолчав. — В связи со свадьбой у меня есть предложение, которое, я надеюсь, тебе понравится. Я не раз просила тебя отвезти нас с Миньей в провинции Нижней Амазонки и в Пара, где мы никогда не бывали. До сих пор заботы о фазенде, требовавшие твоего постоянного присутствия, не позволяли тебе исполнить нашу просьбу. Но теперь они идут так хорошо, как мы и мечтать не могли, и если для тебя еще не настало время полного отдыха, то ты можешь позволить себе передышку — хотя бы на несколько недель.

Жоам Гарраль ничего не ответил, но Якита почувствовала, что рука его дрогнула в ее руке, как будто от внезапной боли. Губы Жоама тронула легкая усмешка, словно он молча приглашал ее закончить свою мысль.

— Жоам, — продолжала она, — такой возможности нам больше никогда не представится. Минья выйдет замуж, покинет нас и будет жить далеко! Это будет едва ли не первым огорчением, которое доставит нам наша доченька, и у меня уже сжимается сердце, как только я подумаю о близкой разлуке. Так вот, мне хотелось бы проводить ее до Белена. Разве тебе самому не кажется, что нам следует познакомиться с матерью зятя, которая заменит дочке меня, с той, кому мы доверим нашу Минью? Да и сама она не хотела бы огорчать госпожу Вальдес, отпраздновав свадьбу без нее. Если бы в ту пору, когда мы поженились с тобой, милый Жоам, твоя мать была жива, ты, наверное, тоже захотел бы, чтобы она присутствовала на нашей свадьбе!

При этих ее словах Жоам Гарраль снова сделал невольное движение.

— Друг мой, — снова заговорила Якита, — как бы мне хотелось вместе с Миньей, нашими двумя сыновьями и с тобой посмотреть твою родную Бразилию, спуститься по этой прекрасной реке до провинций, расположенных на морском побережье! Мне кажется,

тогда разлука с дочерью будет не так горька. Вернувшись сюда, я смогу мысленно увидеть ее в том доме, где она найдет вторую мать. Мне не придется представлять ее себе в неведомом краю, и я не буду чувствовать себя совсем чужой в ее новой жизни.

Теперь Жоам пристально поглядел на жену и долго не спускал с нее глаз, по-прежнему не произнося ни слова.

Что происходило в его душе? Почему не решался он исполнить столь естественную просьбу и сказать «да», доставив живую радость своим близким? И тем не менее он колебался.

Якита взяла руку мужа в свою и нежно пожала ее.

— Милый Жоам, — сказала она, — моя просьба — отнюдь не прихоть. Я долго ее обдумывала. Минья, Бенито и Манозль просят тебя и меня поехать с ними. Я не вижу причин отказывать им. И еще: нам кажется, что лучше отпраздновать свадьбу в Белене. Это пойдет на пользу нашей девочке, введет ее в общество, упрочит ее положение. Если она приедет с родителями, то не будет чувствовать себя одинокой в чужом городе.

На лице Жоама отражалась внутренняя борьба. Он облокотился о стол и закрыл лицо руками, словно желая собраться с мыслями, прежде чем ответить. Якита ощущала тревогу мужа, но не понимала ее. Она почти раскаивалась, что затеяла разговор. Ну что ж, она подчинится любому решению Жоама. Если поездка в Бразилию ему тягостна, откажется от нее и никогда больше не вернется к этому, даже не спросит никогда о причинах непонятного ей отказа.

Прошло несколько минут. Жоам Гарраль встал и молча подошел к двери. Казалось, он бросает прощальный взгляд на прекрасный вид, на уединенный уголок, где он целых двадцать лет оберегал счастье своей жизни.

Потом он медленно вернулся к жене. Лицо его приняло совсем иное выражение: так выглядит человек, который после мучительных колебаний пришел к важному решению.

— Ты права! — твердо сказал он. — Надо ехать. Давай решим — когда.

— Ах, Жоам! Милый Жоам! — воскликнула Якита, просияв от радости. — Как я тебе благодарна! И за себя и за детей!

Слезы умиления выступили у нее на глазах, когда муж прижал ее к сердцу.

Между тем у дверей дома послышались веселые голоса. Минуту спустя на пороге появились Бенито и Манозель, а за ними и Минья, вышедшая из своей комнаты.

— Дети! Отец согласен! — крикнула Якита. — Мы все едем в Белен!

Жоам Гарраль принял пылкую благодарность сына и поцелуи дочери, не произнеся ни слова.

— А когда вы думаете отпраздновать свадьбу, отец? — спросил Бенито.

— Свадьбу?.. Там будет видно... — ответил Жоам. — Мы примем решение в Белене.

— Как я рада! Как я рада! — твердила Минья, совсем как в тот день, когда узнала о предложении Манозеля. — Наконец-то мы увидим Амазонку во всем величии! Ах, отец, большое тебе спасибо!

И восторженная девушка, у которой разыгралось воображение, позвала брата и Манозеля:

— Пойдемте в библиотеку! Возьмем все книги и карты, по которым можно изучить бассейн великой реки, — нельзя же путешествовать вслепую! Прежде чем увидеть, я хочу как можно больше узнать о величайшей в мире реке.

Глава V

Амазонка

На другой день Бенито и Манозель сидели вдвоем на берегу Амазонки у южной границы фазенды и смотрели, как мимо них медленно катятся воды, которые берут начало высоко в отрогах Анд и, пройдя 800 лье, теряются в бескрайних просторах океана.

— Эта самая протяженная река на Земле[11] сбрасывает в море наибольшее количество воды, не меньше двухсот пятидесяти миллионов кубометров в час, — заметил Манозель.

— И опресняет море на далеком расстоянии от устья, — добавил Бенито, — а силой течения заставляет дрейфовать корабли в 80 лье от берега.

— Ее мощное русло тянется в длину более чем на тридцать градусов широты, а бассейн с севера на юг занимает не менее двадцати пяти градусов! Недаром у этой реки целых три названия.

— Бассейн! — вскричал Бенито. — Разве можно так называть широкую равнину, по которой течет Амазонка, эту бескрайнюю саванну без единого холма, без единой вершины, ограничивающей горизонт!

— С севера и с юга, — подхватил Манозель, — словно щупальца громадного спрута, в нее впадают двести притоков, которые, в свою очередь, питаются бесчисленными притоками. Рядом с ними великие реки Европы кажутся жалкими ручейками!

— А пятьсот шестьдесят островов, не считая мелких островков, неподвижных или плавучих, образуют настоящий архипелаг и вполне могли бы составить целое государство!

— Берега Амазонки изрезаны протоками, каналами, лагунами, заливами и озерами, каких не встретишь во всей Швейцарии, Ломбардии, Шотландии и Канаде, вместе взятых!

— Она служит границей между двумя республиками, пересекает самое большое государство Южной Америки[12]. Порой мне

представляется, будто через нее весь Тихий океан хочет перелиться в Атлантический!

— А ее устье — настоящий морской залив, посредине которого лежит остров Маражо, насчитывающий более 500 лье в окружности!

— Сам океан, силясь сдержать напор Амазонки во время приливов, в грандиозной схватке вздымает исполинские валы, называемые «поророку», по сравнению с которыми приливы и прибои в устьях других рек кажутся лишь рябью, поднятой легким бризом.

— Самые крупные суда могут подниматься вверх по ее течению с полным грузом на пять тысяч километров от устья.

— По Амазонке, ее притокам и притокам притоков открывается торговый водный путь через весь север Америки, начиная от Магдалены до Ортеказа, от Ортеказа до Какета, от Какета до Путумайо, от Путумайо до Амазонки — четыре тысячи миль речного пути! Остается прорыть несколько каналов, чтобы величайшая водная система стала еще более совершенной.

— Словом, перед нами самая большая и самая удивительная река в мире!

Молодые люди говорили о «своей» реке с каким-то восторженным исступлением! Ведь они были детьми Амазонки, чьи притоки, почти столь же могучие, как и она сама, стали водными дорогами, бегущими через всю Боливию, Перу, Эквадор, Новую Гренаду, Венесуэлу и все четыре Гвианы: Английскую, Французскую, Голландскую и Бразильскую.

Сколько мы знаем племен, сколько народов, происхождение которых теряется в дали времен! Точно так же и с крупными реками на нашей земле; их до сих пор еще не удалось исследовать до конца. Многие государства претендуют на честь считаться их родиной. Амазонка не составляет исключения. Перу, Эквадор, Колумбия долго оспаривали право считать ее своим детищем.

В наши дни уже признано бесспорным, что Амазонка берет свое начало в Перу, в округе Гуарако, и вытекает из озера Лаурикоча, расположенного приблизительно между одиннадцатым и двенадцатым градусами южной широты.

Тем, кто взялся бы утверждать, что она берет начало в Боливии и низвергается с гор Титикака, пришлось бы доказывать, что настоящей

Амазонкой является Укаяли, возникшая из слияния Паро и Апуримака; однако ныне это мнение уже опровергнуто.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ